

Боруленков Ю.П. Юридическое познание: кризис методологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 205-214.

Боруленков Юрий Петрович

проректор Академии

Следственного комитета России

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: borulenkov@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история

права и государства; история учений

о праве и государстве

Юридическое познание: кризис методологии

Аннотация. В центре внимания автора в данной статье находится вопрос о системном кризисе методологии правовой науки. Подчеркивается, что проблемы методологии юридической науки являются следствием глобального кризиса научного способа познания и неопределенности философско-методологических оснований юридических исследований. Отмечается, что теоретический вакуум, когда старые подходы не работают, а новые еще не созданы, характерен не только для российской, но и для мировой науки, переживающей период переоценки классических теорий. Методологические исследования приобретают особую актуальность именно в периоды глубоких реформ, коренных преобразований общества. Выход из кризиса видится в более четком определении понятия и структуры методологии юридической науки, в том числе фундаментального правоведения, правильном и грамотном ответе на вопрос о соотношении категорий «метод», «методологический подход» и «технология научного познания».

Ключевые слова: юридическое познание; методология юридического познания; кризис методологии юридической науки.

Yury Petrovich Borulenkov

Legal knowledge: the crisis methodology

Summary. In the center of attention of the author in this article there is a question of system crisis of methodology of legal science. It is emphasized that problems of methodology of jurisprudence are a consequence of global crisis of a scientific way of knowledge and uncertainty of the philosophical bases of legal researches. It is noted that theoretical vacuum when old approaches don't work, and new aren't created yet, it is characteristic not only for domestic, but also for the world science worrying the period of revaluation of classical theories. It is noted that the theoretical vacuum, when the old approaches are not working, and new ones have not been created, characteristic not only for Russian but also for the world of science, which is undergoing a period revaluation classical theories. Methodological studies are of crucial importance precisely in periods of deep reforms, a fundamental transformation of society. The exit from crisis is seen in a clearer definition of the concepts and methodology of legal science, including the fundamental law, the proper and correct answer to the question about the correlation of categories «method», «methodological approach» and «technology of scientific knowledge».

Keywords: legal knowledge; methodology of legal knowledge; the crisis of the methodology of legal science.

Методологические разработки для юридического познания [6; 7] и юриспруденции в целом имеют гносеологическое, онтологическое и прикладное значение. Обоснованность и объективность научного поиска, достоверность выводов и конкретные практические рекомендации для юристов напрямую зависят от уровня и степени разработанности методологических аспектов той или иной проблемы, правовой науки в целом. В основе рефлексии по поводу того,

как надо познавать мир и действовать в нем, лежит аксиома: люди действуют в мире в соответствии с тем, как они познают его, но и познают его в соответствии с тем, как сами действуют в нем [1, стр. 252-272].

Практическая ориентация юридической науки предопределяет ее отнесение к ценностно-целевым структурам общества как предмету своего исследования, поскольку через систему принципов права и правоповедения она непосредственно участвует в позитивном оформлении социальных идеалов и ценностей. Смена социокультурных стратегий для правовой науки означает серьезные методологические корректировки ее предмета и метода. Включенность правоведа в исследуемый объект при изменениях соответствующих практик на основе востребованных теорий с необходимостью влечет изменение предмета и самого субъекта исследования, его мировоззренческих ориентиров, теоретической оснащенности и концептуальной приверженности [54, стр. 16, 36-38].

Все больше и чаще отечественные авторы говорят о системном кризисе методологии и его влиянии на общественную жизнь [8; 10, стр. 4-10; 34; 42, стр. 5-38; 43; 48, стр. 154-165]. Так, Д.А. Керимов пишет, что ученые-юристы «явно пренебрегают методологическими проблемами своей собственной науки. Результатом явилось многолетнее повторение одного и того же, и фактическое отсутствие приращения научного знания». Потребность же развития методологии юридической науки с каждым днем становится все насущнее [22, стр. 22].

Проблемы методологии юридической науки – отмечает Н.Н. Тарасов – являются следствием глобального кризиса научного способа познания, с его неустойчивостью тенденций, неясностью закономерностей, размытостью ценностно-целевых структур переходного этапа российского общества, а также неопределенности философско-методологических оснований юридических исследований [54, стр. 9, 16].

Базисное понятие познания определило целые направления философских течений: 1) скептицизм (познание относительно и недостоверно; познание абсолютного недоступно); 2) рационализм (источником познания является разум и присущие ему идеи) догматический, признающий тождество мышления и

действительности, или критический, усматривающий пределы познания в свойствах наших психических способностей; 3) реализм (источником познания служит опыт, внешний: эмпиризм, сенсуализм, или опыт внутренний: спиритуализм); 4) мистицизм (источником познания является сверхчувственное общение с божеством); 5) идеализм (истинное бытие признается лишь в представлениях нашего ума); 6) материализм (истинное бытие признается лишь в веществе); 7) позитивизм (содержанием познания служат лишь предметы опыта); 8) эмпириокритицизм (соединяет некоторые элементы вышеупомянутых систем) и др. [37].

И здесь важными в аспекте разрешения проблемы объективности научного знания видятся идейные разногласия юристов-обществоведов, которые порождены противоречиями между конкурирующими философскими течениями – научным оптимизмом и гносеологическим скептицизмом [32].

Для оформления современных методологических тенденций правоведения системообразующей является *парадигма*, обусловленная соответствующей философской картиной мира и господствующими гносеологическими установками. Для гуманитарных наук нормальной является конкуренция различных парадигм. Общественные науки по своему характеру являются нормативно-критическими, поскольку основываются на различных аксиологических установках [54, стр. 11; 9].

В условиях изменения базовых теоретических, методических, инструментальных подходов к решению задач в той или иной проблемной области, когда в решении задач участвуют сторонники двух (или более) несовместимых парадигм, возможно только «обращение в веру», и никакие логические аргументы здесь недействительны, поскольку за одними и теми же терминами в разных парадигмах скрыто различное содержание [18, стр. 260]. Возможно, сейчас обострился чрезвычайно болезненный процесс смены мировоззренческой парадигмы, лежащей в основе всей современной культуры и самого образа жизни.

Сложности и противоречия научного познания в современном мире породили две противоположные позиции в его оценке – *сциентизм и антисци-*

ентизм. Сторонники первой, отождествляя науку с естественно-математическим и техническим знанием, принижают или отрицают социальные (гуманитарные) науки, как не имеющие познавательного значения. Приверженцы антисциентизма утверждают, что наука не способна обеспечить социальный прогресс, ее возможности здесь крайне ограничены, она – враг человека, поскольку разрушает культуру.

Принципиальные разногласия существуют и по вопросу возможности существования методологии, единой для естественных, социальных и гуманитарных наук. Представители *философского позитивизма* считают, что независимо от особенностей исследуемого объекта гносеологическая установка, принципиальные правила исследовательской деятельности, отношение к методу познания, способы проверки теоретических конструкций едины для любого научного познания. Сторонники *герменевтико-диалектической философии* утверждают, что гуманитарные науки в силу специфики объекта исследования, социокультурных контекстов обладают радикальными особенностями в организации исследовательской деятельности, и поиску общих законов противопоставляют изучение индивидуального, строя объяснения в терминах целей, намерений и условий [54, стр. 17-22].

В период все большего разветвления и дробления естествознания и гуманитарных наук на изолированные друг от друга части, размежевания отдельных научных направлений внутри этих областей знания, необходимы нестандартные идеи, нужна методологическая убедительность [60].

Кризис в области гуманитарной проблематики возник потому, что в середине XX века были исчерпаны основные ресурсы методологических знаний, чтобы осуществить дальнейшее движение вглубь гуманитарной культуры, вглубь самого человека. Гуманитарные науки еще не изобрели свой механизм проникновения в тонкие структуры человеческого интеллекта, духовной жизни, духовного опыта, в определении их роли и функций не только в жизни отдельного человека, но и в судьбах современного общества и мировой цивилизации [50].

Изменились и философские основания науки. Философия ввела идею исторической изменчивости научного знания, признала относительность истины, разработала представление об активности субъекта познания. Существенные изменения претерпели многие философские категории, в том числе часть, целое, причина, случайность, необходимость и т.д. Философы признали зависимость научного познания от социальности и состояния культуры с ее ценностными и мировоззренческими ориентациями, а также историческую изменчивость онтологических допущений, идеалов и норм познания.

Одной из важнейших проблем методологии правовой теории является *деидеологизация*. Современность – это эпоха идеологического кризиса. Кризисное состояние правовой науки в целом отражает потерю методологических ориентиров, и в определенной степени само обусловлено этим фактором.

Одна из существенных особенностей современного этапа развития отечественного правоведения определяется его движением по пути периода от монистической методологии к *философско-методологическому плюрализму*, который в рамках юридической науки трактуется не только как множественность средств познания, но и актуализация различных гносеологических установок [12; 16; 35; 38; 59, стр. 7-30; и др.].

Когда в России впервые стали формироваться капиталистические отношения, «возродились» идеи *юридического неокантианства* [14, стр. 38-42, 57, 62-63; 52] и получили признание в академической среде по причине идеологической заинтересованности в них. Считается, что неокантианская политико-правовая идеология весьма удобна, если речь идет об обществе становящегося капитализма, поскольку канализирует социальную активность в безопасное русло, начиная с констатации «безусловной свободы» и заканчивая призывом к безусловному повиновению. «Начав с безусловной свободы, он кончает безусловным повиновением» – так характеризовал позицию И. Канта С.А. Котляревский [27, стр. 245].

Другое оформившееся в современную эпоху господствующее философское направление – *постмодернизм*. Символами постмодерна являются реля-

тивизм, отказ от истины, как в научном познании, так и на практике, а также новое представление о социальной реальности. Основные черты идеологии постмодернизма – это ориентация на теоретический плюрализм, признание необходимости сочетания различных научных подходов при описании и осмыслении общества, отказ от идеи поступательного прогрессивного движения исторического процесса. Теории постмодерна по духу релятивистские – объект познания немислим вне субъектов, взаимодействующих между собой и интерпретирующих эти социальные *интеракции**. В рамках постмодернистского эпистемологического проекта гуманитарное познание ассоциируется с субъективизмом и психологизмом, и, вследствие этого, с недостаточной строгостью его результатов и выводов [28, стр. 33; 31, стр. 289; 47, стр. 27-28; 61, стр. 4-6].

Сегодняшнее состояние теории права характеризуется преимущественно внешним механическим обновлением, *эkleктизмом**, попытками сочетания несовместимых идей, а также унаследованными с советского периода тенденциями формализации и *удвоения теоретико-правовых понятий*, в том числе понятия права. Правопонимание выступает начальной, исходной категорией юриспруденции.

Отличительной чертой юридического языка традиционно считается следование принципу «одно слово – один смысл». В то же время отчетливо видно, что на практике этот принцип по большей мере остается неким идеалом. Кризис мировоззрения и сопутствующие ему деструктивные процессы в современном русском языке находят благоприятную среду в юридической лексике и проявляются либо в умножении внутренних смыслов, либо в создании понятий-двойников [51].

Теоретический вакуум, когда старые подходы не работают, а новые еще не созданы, характерен не только для отечественной, но и для мировой науки, переживающей период переоценки классических теорий. *Проблемы международного права* идентичны проблемам российского, что подчеркивает глубочайший системный кризис теории права вообще, как части системного кризиса

теории познания. Задекларированное ООН «право наций на самоопределение» уперлось в многозначность интерпретаций безотносительных, методологически не сформированных понятий «право», «нация» и «самоопределение». Многозначность права, проявляется в неоднозначных (двойных, тройных и пр.) стандартах его реализации [8]. Понятийный кризис, как следствие и проявление общего кризиса теории познания, налицо.

На первый взгляд юриспруденцию отличает большое число и *разнообразие концепций права*. «Ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в науке о праве, – писал Б.А. Кистяковский. – При первом знакомстве с нею получается даже такое впечатление, как будто она только и состоит из теорий, взаимно исключаящих друг друга» [23, стр. 373]. Различные концепции правопонимания вызваны тем, что понимание права должно охватывать и закономерности правообразования, и место правовой надстройки во всей общественной системе, и ее границы, и право в действии – соединение нормативов с реальной человеческой деятельностью. Однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что все они укладываются в достаточно ограниченный и неизменный набор парадигм, конкурирующих между собой на протяжении всей истории правовой мысли. Речь идет об уже ставшем хрестоматийным выделении в теории и философии права двух базовых типов правопонимания – позитивистского и непозитивистского, к которым с большей или меньшей последовательностью тяготеют все известные концепции права.

После периода теоретического монизма, базировавшегося на марксистско-ленинской идеологии, в российской теории права постепенно утверждается плюрализм правопонимания. Как отмечает Л.С. Мамут: «Плюрализм различных направлений, школ, идей в правоведении, споры и соревнование между ними «обеспечивают» постоянное обновление, упорядочение и совершенствование науки о праве» [39, стр. 169].

На современном этапе юридической науки в ней присутствуют в различных интерпретациях такие концепции правопонимания, как юснатурализм, легизм, социологическая и психологическая школы права, ставшие уже традици-

онными в общей теории права, но за продолжительный период своего существования не сумевшие создать совершенного методологического инструментария познания права.

Все более широкое распространение получает *интегративный подход к пониманию права* [45; 46; 49; 57; 62]. Интегральные теории права базируются на так называемой неклассической рациональности – постмодернистских гносеологических установках и претендуют на создание принципиально новой парадигмы юридической науки, позволяющей преодолеть традиционную дихотомию типов правопонимания. Как отмечают исследователи, эти интерпретации права либо сводятся к отрицанию самой возможности предложить универсальное определение права и единую методологию его исследования, либо оказываются социолого-позитивистскими конструкциями, изложенными в терминах какой-либо постмодернистской философской парадигмы [9; 25; 26; 29, стр. 40-42; 30; 41, стр. 15-17; 58, стр. 4-6].

Методологические исследования приобретают особую актуальность именно *в периоды глубоких реформ, коренных преобразований общества*. Неясность законов переходного этапа означает отсутствие теоретических средств, позволяющих описывать процессы такого типа, то есть *методологическую проблему*. Именно кризисные явления в реальном секторе практически всех сфер человеческой деятельности – объективный индикатор состояния фундаментальной, базисной теоретической мысли [8; 54, стр. 16].

Для российской юридической мысли XXI века данное положение принципиально усиливается одновременным протеканием процессов преобразований как на уровне проблем, возникающих в связи с вопросами становления в постсоветской России гражданского общества, построения правового государства, создания эффективных юридических механизмов защиты прав человека, утверждения гуманистических идеалов ценностей и т.д., так и на уровне глобальных преобразований всего мирового сообщества, все чаще воспринимаемого как разворачивающийся процесс становления новой цивилизации, порождающий круг проблем, которые на данный момент удовлетворительного теорети-

ческого и методологического решения не имеют [11].

Абсолютное большинство глобальных процессов оказывает все более заметное, но не всегда позитивное воздействие на национальную правовую систему, и в первую очередь касаются именно юридической науки, поскольку предполагают формирование соответствующего правосознания, юридических институтов и правопорядка [54, стр. 2-4]. Попытки найти новые инварианты на основе привычного нормативно-ценностного подхода, приводят подчас к противоречивым результатам, не согласующимся ни с логикой, ни с реальностью.

Противоречивость тенденций и неясность закономерностей в теоретической литературе, как правило, рассматриваются в качестве имманентного свойства переходного процесса. Анализ современного российского законодательства свидетельствует о том, что основу нынешней российской правовой доктрины составляет теория естественного права [15]. Углубление противоречий между нормативным и реальным состоянием и поведением, обострение юридических коллизий, «раздвоение» юридического образа государства, его институтов и граждан, юридическая конфликтность стали доминантами современного развития [55].

Сегодня наблюдается непоследовательность проводимой правовой политики как следствие ее нестабильности, при отсутствии общей стратегии развития правовой сферы. Не найдены еще стыки между национальным законодательством и международно-правовыми стандартами. Новые реалии не укладываются в прежние теоретические конструкции, и вполне естественно то, что не все оказались готовыми к взвешенному их осмыслению [63]. Победила одна методология – построение рукотворных объектов «методом тыка».

Когда, копируя стабильные западные общества, реформаторские силы в переходный период обращаются к ценностям свободы, неизбежно разрушаются ценности порядка и равенства. В реальном правовом воздействии на переходные общественные отношения такое смещение приоритетов оборачивается настойчивым стремлением к форсированию событий, выбором радикальных средств управления [53].

Актуально и сейчас следующее высказывание Д.А. Керимова: «В настоящее время российский законодатель впал в противоположную крайность, не учитывающую объективность регулируемых общественных отношений, в результате чего возникла неразбериха, хаос и произвол в правовой жизни. Отсутствие законотворческой культуры и слабое представление о требованиях законодательной техники у большинства депутатов-юристов, чиновников правительственных и президентских структур приводят к резкому обособлению и противопоставлению объективного и субъективного в работе над законодательством, недооценке их диалектического взаимопереплетения» [21, стр. 8].

«Структурам – носителям и выразителям права и структурам, которым поручено совершенствовать право – подчеркивает Н.И. Брылев – позволяет жить сам «процесс совершенствования», уходящий временем своего окончания в бесконечность. Окончание этого процесса есть момент времени физической смерти этих структур. И все это удаляет право от его сути, от задач, цели – формализованного для массового употребления выражения справедливости» [8]. Перманентная реформа законодательства в соответствии с постоянно меняющимися жизненными реалиями по своей затратности, бесконечности и в конечном итоге бесперспективности уже давно должна была бы утратить всяческую привлекательность [2, стр. 45]. Проблему обоснования законопроектов необходимо решать в контексте совершенствования подходов к организации научного обеспечения законотворчества в целом, если бы не явно наметившееся движение в сторону формирования новых каналов лоббирования частных интересов.

Реформы правовой системы и судебной власти, лишний раз подтверждают существование кризиса, поскольку современные демократические институты российского общества по разным причинам самостоятельно, без вмешательства высшего политического руководства, не могут выработать единый подход к принципам функционирования правовой среды нового типа. Если правильность принимаемых политических решений никому не важна, то и общественным наукам отводится роль интерпретаторов, в лучшем случае, принимаемых,

а, чаще всего, уже принятых решений [3; 32].

Важным компонентом методологии является мировоззренческая основа юридической науки – система определенных жизненных позиций ученых-юристов, их идеалы и убеждения, ценностные ориентиры и установки, которые играют существенную роль в научном исследовании практической деятельности. Поэтому так важны четко продуманные и всесторонне обоснованные системы юридического образования, воспитания и подготовки научных кадров, формирование у них передовых принципов, идеалов, убеждений, прогрессивных взглядов на реальный мир, право, юридическую практику, правовую культуру и место человека в этом мире [19, стр. 34].

Однако, переводя науку и образование на рыночные рельсы, не в полной мере было учтено, что «дикий рынок» подомнет под себя гуманитарные элементы науки и образования. Господство рыночных регуляторов привело к тому, что в системе образования и массовых коммуникаций, фактически ставших новым органом просвещения, произошло тотальное замещение сложившихся в течение тысячелетий геномов культуры геномами техногедонизма. Рынок победил культуру [36, стр. 10-11]. Достичь же должного профессионального уровня в системе с отсутствующими базовыми принципами, методологией формирования эталонных понятий права невозможно, поскольку системность работы определяет уровень профессионала.

Как верно отмечает И.П. Малинова, «есть один фактор, о котором не принято говорить прямо, – это превратные интерпретации доктрины прав человека. Понятие «права человека» нередко трактуется на уровне обыденного сознания как правовая доктрина, дающая всем своего рода карт-бланш на «достойное существование» независимо от прилагаемых усилий для достижения ононого» [36, стр. 11-12]. Права и свободы личности должны содержать в себе индивидуально-обязывающую модальность, ориентирующую человека на ответственное к ним отношение, на готовность их отстаивать и на развитие способности самостоятельно ими располагать во благо себе и обществу [17, стр. 510]. Личность характеризуют не столько права, сколько ответственность перед

семьей, обществом, государством.

Важнейшей является *проблема ответственного общества*, порожденная отсутствием эталонов ответственности и общих принципов определения ее величины. Нивелирование величины ответственности есть уход от ответственности и нивелирование неотвратимости ответственности должной величины [8]. Будучи величиной, производной от свободы, органически завися от нее, ответственность составляет с ней одно целое [33, стр. 141; 40, стр. 18].

Правосознание в современной России можно характеризовать как недостаточно развитое, не полностью сформировавшееся или «незрелое». В целом оно отличается *фрагментарностью, противоречивостью, конфликтностью и радикальностью* [13, стр. 39-40; 53]. Основной особенностью русского общественного сознания и правосознания в частности является *этикоцентризм*, то есть подчинение права более высоким, нравственным и религиозным ценностям. В правосознании россиян нравственное право в целом всегда доминировало над юридическим. В России общепринято было поступать по законам совести, а не по писанным законам [56, стр. 185-186]. *Правовой нигилизм* расшатывает и без того размытые представления россиян о праве, и последнее приобретает в них облик инструмента достижения определенных политических и личных эгоистических целей [20].

В одной из статей, посвященной проблемам методологии, выдающийся правовед и социолог Б.А. Кистяковский признал ее «самосознанием или совестью науки», и что обусловлено, по его мнению, рядом черт, которые «закключаются в оздоровляющем самоанализе и просветляющей самокритике методологии, в ее непоколебимой решимости отвергать все традиционное и освященное временем или авторитетом, если оно оказывается ошибочным, наконец, в ее готовности идти по совершенно новым путям, лишь бы эти пути были правильные» [24, стр. 46].

Переходные процессы в обществе, смена социальных идеалов и ценностей, актуализация различных философских взглядов на право и методологических подходов к его исследованию требуют нового обращения правоведов к

наиболее фундаментальным и устоявшимся положениям своей науки, в том числе считавшимся «незыблемыми истинами», осмысления их на современном философско-методологическом, науковедческом уровне [54, стр. 17-18].

Выход из кризиса видится в более четком определении понятия и структуры методологии юридической науки, в том числе фундаментального правоведения, правильном и грамотном ответе на вопрос о соотношении категорий «метод», «методологический подход» и «технология научного познания» [19, стр. 32, 35-36].

Фундаментальная и по-настоящему академическая государствоведческая и правоведческая теория, использующая весь арсенал методологических средств, отрешенная от оков идеологизации и начетничества, может стать не только закономерным следствием, но и созидательным условием позитивного развития политико-правового процесса, выступить фактором единения и согласия общества, переживающего кризис [44, стр. 27-30].

Примечания

* *Интеракция* (англ. interaction, лат. inter – между и actio деятельность) – термин, используемый в социальной психологии, обозначающий взаимодействие, взаимное влияние людей или воздействие групп друг на друга как непрерывный диалог. В социальной психологии Дж. Мида интеракция – непосредственная межличностная коммуникация, важнейшей особенностью которой признается способность человека «принимать роль другого», представлять себе (ощущать), как его воспринимает партнер по общению (или группа). URL:<http://www.psychologos.ru/articles/view/interakciya>.

* Эклектизм (от др.-греч. ἐκλέγω «избираю») – способ построения философской системы путём сочетания различных положений, заимствованных из других философских систем. URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki>.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. Учебное пособие. М.: Аспект-пресс. 2004. 288 с.
2. Арямов А.А. О мере допустимости использованная естественно научных знаний в юриспруденции // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 12. В 2 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Юрист», 2012. С. 42-47.
3. Аулов В.К. Системный кризис права и проблемы правового регулирования дисциплинарной ответственности судей военных судов. URL:<http://do.gendocs.ru/docs/index-303186.html>. [Дата обращения 26.03.2013].
4. Бачинин В.А. Антропосоциологические проблемы права: Методология и эмпирия // Правоведение. 2001. № 3. С. 27-39.
5. Беляев М.А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. 09.00.01. Воронеж, 2010. 26 с.
6. Боруленков Ю.П. Юридическое познание как фундаментальная категория правоведения // Юридический мир. 2009. № 12 (156). С. 52-56.
7. Боруленков Ю.П. О концепте «юридическое познание» // Проблемы в российском за-

- конодательстве. 2012. № 5. С. 188-192.
8. Брылев Н.И. Торжество безотносительности или кризис теоретического познания. URL:<http://nbrilev.ru/noktp1.htm>. [Дата обращения 26.03.2013].
 9. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 68-84.
 10. Вершило Н.Д., Вершило Т.А. Современный кризис, концепция устойчивого развития и задачи правовой науки // Рос. правосудие. М.: Юстицинформ. 2009. № 9 (41). С. 4-10.
 11. Гражданское общество, правовое государство и право («круглый стол: журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 3-50.
 12. Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 217-283.
 13. Демченко Т.И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.01. Ставрополь, 2011. 53 с.
 14. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 512 с.
 15. Емузов А.С. К вопросу о понятии усмотрения судьи // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 5. В 3 т. Том 3. М., 2005. С.468-472.
 16. Жуков В.Н. Философское познание государства и права // Государство и право. 2010. № 6. С. 31-40.
 17. Ильин И.А. Путь к очевидности / Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. М., 1994. Т. 3. URL:http://www.hrono.ru/statii/2001/ilin_och00.html. [Дата обращения 05.03.2014].
 18. Информационные ресурсы для принятия решений. Учебное пособие. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 560 с.
 19. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Т. 1. Ярославль, 2005. Т. 1. 2005. 548 с.
 20. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/kas/06.php. [Дата обращения 11.05.2013].
 21. Керимов Д.А. Потенциал российского правоведения // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 3-13.
 22. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Аванта+, 2000. 560 с.
 23. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашниковы. 1916. 708 с.
 24. Кистяковский Б. А. Методология и ее значение для социальных наук и юриспруденции // Юридический вестник. 1917. Кн. XVIII. С. 31-47.
 25. Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31-40.
 26. Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы. // Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2009. С. 242-253.
 27. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1993. 368 с.
 28. Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: старое и новое видение // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 24-34.
 29. Лапаева В.В. Российская юриспруденция в поисках нового типа правопонимания // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В. Г. Графский. М.: Норма, 2006. С. 37-53.
 30. Лапаева В.В. Типы правопонимания в российской теории права // Российское правосудие. 2008. № 5. С. 22-23.
 31. Лапаева В.В. Социология права. 2-е изд., перераб. и доп. М. Норма: ИНФРА-М, 2011. 366 с.

32. Левакин И.В. Актуальные проблемы государства и права URL:http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=677&Itemid=52 [Дата обращения 11.05. 2013].
33. Левин Г. Д. Трактат о свободе. М.: Канон+, 2009. 192 с.
34. Левченко В.И. Безумие науки и кризис права в России. Ретроспективное и современное исследование. М.: Вече, 2002. 239 с.
35. Малахов В.П. Многообразие методологий современной теории государства и права // История государства и права. 2010. № 6. С. 2-17.
36. Малинова И.П. Интерпретация социальной реальности в правотворчестве и реформаторской деятельности // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 8-14.
37. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL:<http://slovari.yandex.ru>. [Дата обращения 30.03.2013].
38. Марченко М.Н. Философия права и общая теория права: взаимосвязь и взаимодействие // Правоведение. 2009. № 3. С. 6-13.
39. Мамут Л.С. Правовые идеи классического либерализма в контексте современной юриспруденции // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. М., 2008. С. 149-169.
40. Мамут Л.С. Правовое общение: очерк теории. М.: Норма, 2011. 80 с.
41. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13-21.
42. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // Право и жизнь. 2002. № 47. С. 5-38.
43. Новгородцев П.И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.
44. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996. 472 с.
45. Палеха Р.Р. Интегративный подход о правопонимании как необходимое условие развития современной юридической науки // Научные труды. Российская академия юридических наук. В 2 т. Т. 1. Вып. 12. М. 2012. С. 310-314.
46. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 560 с.
47. Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006, № 2. С. 26-43.
48. Поцелуев Е.Л. Современное состояние теории государства и права: кризис или поиск собственной идентичности? // Правоведение. 2004. № 2. С. 154-165.
49. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: Интегративный тип современного правопонимания // Правоведение. 2005. № 1. С. 4-12.
50. Селиванов В.В. Кризис методологий в гуманитарных науках // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск № 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 127-129.
51. Слободнюк С.Л. Правовая реальность, правосознание и мнимость понятийных смыслов // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 40-44.
52. Соломко З.В. «Назад к Канту!», или «Вирус неокантианства» в российской юридической науке // Научные труды. Российская академия юридических наук. В 2 т. Т. 1. Вып. 12. М. 2012. С. 270-275.
53. Сорокин В.В. Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 59-70.
54. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы современного правоведения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.01. Екатеринбург, 2002. 46 с.
55. Тихомиров Ю.А. Правовая сфера общества и правовая система.

URL:<http://www.lawmix.ru/comm/8048>. [Дата обращения 28.03.2013].

56. Туркулец С. Е. Состояние правосознания как индикатор развития правового государства // Право и правопорядок: современные тенденции развития, проблемы обеспечения и охраны: сб. науч. тр. Вып. 1 / Под ред. д-ра юрид. наук Н.Е. Мерецкого. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. С. 183-190.
57. Холл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. 3. Европа. Америка: XVII-XX вв. М., 1999. С. 739-743.
58. Хохлов Е.Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Правоведение. 2004. № 1. С. 4-14.
59. Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск: Наука, 2004. С. 296 с.
60. Чернобель Г. Т. Материалистическая концепция права // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 137-140.
61. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2. С. 4-16.
62. Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2002. 35 с.
63. Шабров О.Ф. Потеря управления и кризис методологии познания / Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1997. (вместо введения) URL:<http://shabrov.info/Polupr/titul.htm>. [Дата обращения: 23.03.2013].